

ДЬЯВОЛ НОСИТ
PRADA.

ИРИНА ВАСИЛЬЕВА

18+

Ирина Васильева
Дьявол носит Prada

«Автор»

2026

Васильева И.

Дьявол носит Prada / И. Васильева — «Автор», 2026

В мире, где мода — это религия, а гляцевые журналы — её священные тексты, я была никем. Просто ещё одной девочкой на побегушках с разбитыми туфлями и отчаянным желанием сделать карьеру. Я думала, что попала в сказку о Золушке, когда получила место ассистента в главном офисе империи Vortex. Как же я ошибалась. Моя начальница, Виктория Ланская, не носила Prada. Она его создавала, разрушала и переписывала законы физики под новые коллекции. Для миллионов она была недостижимым божеством стиля, для меня — настоящим дьяволом в лабутенах. Её кабинет был моим чистилищем, где каждое поручение было испытанием, а каждый взгляд — приговором. «Принеси мне кофе», — говорила она, запуская квантовый компьютер для взлома государственных сетей. «Отмени встречу», — приказывала она, отправляя прототип ткани-хамелеона стоимостью в миллиард евро военным подрядчикам. Я жила на двойной порции эспрессо и постоянном страхе совершить ошибку, которая будет стоить мне не работы, а разума.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Температура кипения.	8
Глава 2. Кофеин и кашемир.	15
Глава 3.	21
Глава 4. Алхимия и сталь.	27
Подглава 4.1. Эпицентр: Кожа, Нить и Абсолютная Власть.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Васильева Дьявол носит Prada

Пролог.

Москва, конец сентября. Ветер срывал с клёнов последние листья и швырял их в витрины бутиков, будто пытался испортить этот безупречно выстроенный городской пейзаж. В центре всего этого — небоскрёб из стекла и стали, где на двадцать третьем этаже горел свет даже в три часа ночи.

Там, в кабинете с видом на город, сидела женщина, которую в глянцевых кругах называли не иначе как Дьяволом. Не из-за рогов и хвоста — их у неё не было. А из-за того, что она могла одним взглядом заставить дрожать даже самых уверенных редакторов, одним словом — разрушить чью-то карьеру, а другим — вознести до небес.

Её звали Виктория Леман. Она была главным редактором журнала «Vortex» — самого влиятельного издания о моде в стране. И сегодня она ждала новую ассистентку.

Я стояла в зеркальном лифте, который, казалось, падал в бездну. Кабина бесшумно скользила вверх, а моё отражение множилось в отполированных до блеска панелях. Я поправила воротник блузки, в сотый раз задаваясь вопросом, как я здесь оказалась. Вчерашний выпускница журфака с дипломом, пахнущим типографской краской, и амбициями, которые не умещались в крошечной съёмной комнате на окраине. Я была готова на всё, лишь бы вырваться из рутины.

Двери лифта с мягким шелестом разошлись в стороны, открывая вид на приёмную. Воздух здесь был другим — стерильным, пропитанным дорогим парфюмом и напряжением. За стойкой ресепшен сидела девушка с лицом, не выражающим абсолютно никаких эмоций. Она была похожа на фарфоровую куклу, идеально вписанную в интерьер.

— Вы к кому? — её голос был ровным и холодным, как стекло за её спиной.

— Алиса. К Виктории Леман. На собеседование.

Она не шелохнулась, лишь на мгновение опустила взгляд на монитор невидимого компьютера.

— Ждите.

Прошло пятнадцать минут. Я изучала узор на мраморном полу, считая прожилки в камне, чтобы не сойти с ума от тишины. Ни один человек не прошёл мимо. Казалось, двадцать третий этаж вымер, оставив только меня и эту безмолвную статую.

Наконец, из массивной дубовой двери справа донёсся звук. Не голос, а скорее низкое, утробное рычание, от которого у меня похолодело внутри.

— Пусть войдёт! Немедленно!

Секретарша нажала кнопку на столе, и тяжёлая дверь бесшумно приоткрылась. Я на негнувшихся ногах сделала шаг вперёд.

Кабинет был огромен. Панорамные окна во всю стену открывали вид на спящий город, расчерченный огнями магистралей. В центре этого стеклянного аквариума стоял стол из тёмного дерева, заваленный макетами, стопками журналов и чашками с остывшим кофе. И за этим столом сидела она.

Виктория Леман была одета в безупречный брючный костюм угольного цвета. Никакой лишней детали, ни одного кричащего аксессуара. Но вся её аура кричала о власти. Она даже не подняла на меня глаз, продолжая что-то яростно вычёркивать красным маркером на развороте журнала.

Я замерла на пороге, не решаясь сделать ещё один шаг.

— Вы опоздали на три минуты и сорок секунд, — произнесла она, не отрываясь от работы. Её голос был бархатным, но в нём звенела сталь. — Это непозволительная роскошь для ассистента главного редактора «Vortex». Время здесь стоит миллионы.

Она наконец подняла голову. Её взгляд был пронзительным, сканирующим. Он прошёлся по мне сверху вниз, оценивая каждую деталь: от дешёвых туфель до скромной сумки через плечо. Я почувствовала себя голой.

— Ваше резюме говорит о том, что вы умеете писать о культуре андеграунда и социальной несправедливости. Мне плевать на справедливость. Мне нужны идеальные швы на платье и чтобы кофе к моему приходу был именно шестьдесят градусов по Цельсию, а не пятьдесят девять и не шестьдесят один. Вы способны на такую точность?

Я слотнула ком в горле.

— Я... я быстро учусь.

Виктория усмехнулась, и эта улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Все так говорят. А потом плачут в туалете и бегут писать заявление по собственному желанию. Мой предыдущий ассистент продержался неделю. Слабак.

Она швырнула маркер на стол и откинулась в кресле.

— У вас есть один шанс доказать мне свою полезность прямо сейчас. Мой телефон сел. Найдите зарядное устройство для последней модели iPhone в этом здании за десять минут. Если не справитесь — можете не утруждать себя обратной дорогой в лифте.

Она снова уткнулась в макет, давая понять, что аудиенция окончена. Я стояла, парализованная ужасом и одновременно странным азартом. Это было безумие. Но это был мой билет в другой мир.

Я развернулась и пулей вылетела из кабинета, понимая, что моя жизнь только что разделась на «до» и «после». И обратного пути уже не будет.

Глава 1. Температура кипения.

Я, Алиса, всегда считала, что мода — это что-то эфемерное, существующее в параллельной вселенной, где люди не едят, а позируют для обложек, и где главная трагедия — это пятно от соевого соуса на белоснежной кашемировой водолазке. Моей вселенной был пыльный мир университетской библиотеки, запах старых газет и острые социальные темы. Я писала диплом о влиянии субкультур на урбанистический ландшафт и искренне верила, что настоящая журналистика — это когда у тебя замерзают пальцы, пока ты пытаешься записать интервью с граффитистом в промзоне на окраине. Но дипломная работа закончилась, а вместе с ней и моя стипендия. Реальность в лице арендной платы за комнату в Чертаново и счетов за интернет требовала денег. Много денег. И быстро.

Объявление о вакансии ассистента в журнале «Vortex» я увидела случайно, пролистывая ленту новостей в три часа ночи, когда от кофе уже начинало подташнивать. Требования были размытыми: «стрессоустойчивость», «многозадачность», «готовность к ненормированному графику». Зарплата с пятью нулями перечеркнула все мои принципы и снобизм. Я отправила резюме, не особо надеясь на ответ. Через час мне позвонили.

— Алиса? — голос в трубке был сухим и деловитым. — Вы нам подходите по формальным признакам. Завтра в девять ноль-ноль вас ждут на ресепшене главного офиса. Не опаздывайте.

И короткие гудки.

Москва, конец сентября. Город казался выцветшей фотографией. Ветер срывал с клёнов последние, уже не золотые, а бурые и сморщенные листья и швырял их в витрины дорогих бутиков на Патриарших, будто пытаясь испортить этот безупречно выстроенный городской пейзаж. Я стояла перед зеркальной башней из стекла и стали, задрав голову так, что заболела шея. Небоскрёб уходил в свинцовое небо, царапая облака. На двадцать третьем этаже горел свет даже в три часа ночи.

Я вошла в холл первого этажа, и меня тут же поглотил кондиционированный холод и стерильная тишина. Охранник в безупречной форме скользнул по мне взглядом, который без слов говорил: «Ты здесь чужая». Лифт был отделан полированным металлом и темным деревом. Я нажала кнопку с цифрой «23». Кабина начала свой бесшумный, стремительный взлет.

Внутри лифта я чувствовала себя как в ловушке. Мое отражение множилось в отполированных до блеска панелях: бледное лицо, слишком простая черная юбка-карандаш (единственная приличная вещь в моем гардеробе), белая блузка и старенький пиджак с выпускного. Я поправила воротник, пытаясь скрыть дешевую фурнитуру. В животе завязался тугий узел страха и какого-то болезненного любопытства. Кто она такая, эта Виктория Леман? Что за человек может заставить дрожать тех, кто сам привык диктовать правила?

Двери лифта открылись с тихим шелестом, выпуская меня в приемную двадцать третьего этажа. Воздух здесь был другим — стерильным, пропитанным дорогим парфюмом с нотами сандала и тяжелым, почти осязаемым напряжением. За стойкой ресепшен сидела девушка с лицом античной статуи: идеально гладкая кожа, высокие скулы и глаза, не выражающие абсолютно никаких эмоций. Она была похожа на фарфоровую куклу, идеально вписанную в интерьер.

— Вы к кому? — её голос был ровным и холодным, как стекло за её спиной.

— Алиса. К Виктории Леман. На собеседование.

Она не шелохнулась, лишь на мгновение опустила взгляд на монитор невидимого компьютера.

— Ждите.

Прошло пятнадцать минут. Для меня они растянулись в вечность. Я сидела на жестком кожаном диване цвета слоновой кости и изучала узор на мраморном полу, считая прожилки в камне, чтобы не сойти с ума от тишины. Ни один человек не прошел мимо приемной. Кажется, двадцать третий этаж вымер, оставив только меня и эту безмолвную статую за стойкой. Единственным звуком было едва слышное гудение системы вентиляции и тиканье огромных напольных часов в углу.

Наконец, из массивной дубовой двери справа донёлся звук. Это было не слово и не крик. Это было низкое, утробное рычание, от которого у меня похолодело внутри.

— Пусть войдёт! Немедленно!

Секретарша нажала кнопку на столе, и тяжёлая дверь бесшумно приоткрылась на пару сантиметров. Я на негнущихся ногах поднялась с дивана. Мои колени дрожали так сильно, что я боялась упасть по пути к двери.

Кабинет был огромен — настоящий стеклянный куб, парящий над городом. Панорамные окна во всю стену открывали захватывающий дух вид на спящую Москву, расчерченную огнями магистралей и подсвеченными шпилями сталинских высоток. Внизу машины казались игрушечными муравьями, ползущими по серым лентам дорог. В центре этого стеклянного аквариума стоял монументальный стол из темного дерева — островок порядка в океане контролируемого хаоса.

Стол был завален макетами журнала в разной степени готовности: развороты с кричащими заголовками соседствовали с фотографиями моделей в немыслимых позах; стопки иностранных изданий «Vogue» и «Harper's Bazaar» грозили вот-вот обрушиться; рядом дымились чашки с остывшим кофе, оставляя на бумагах коричневые круги; повсюду валялись ручки, маркеры и какие-то загадочные образцы тканей. И за этим столом сидела она.

Виктория Леман была одета в безупречный брючный костюм угольного цвета из ткани настолько дорогой, что она казалась немнущейся даже после суток работы. Никакой лишней детали: ни броши, ни массивных часов — только тонкие платиновые серьги-гвоздики. Но вся её аура кричала о власти громче любого золотого кольца. Она даже не подняла на меня глаз, продолжая что-то яростно вычёркивать красным маркером на развороте журнала «Vortex».

Я замерла на пороге, не решаясь сделать ещё один шаг внутрь этого храма моды.

— Вы опоздали на три минуты и сорок секунд, — произнесла она, не отрываясь от работы. Её голос был бархатным, глубоким, но в нём звенела такая сталь, что по спине пробежал мороз. — Это непозволительная роскошь для ассистента главного редактора «Vortex». Время здесь стоит миллионы рублей в секунду.

Она наконец подняла голову. Её взгляд был пронзительным, сканирующим, рентгеновским. Он прошёлся по мне сверху вниз за долю секунды, оценивая каждую деталь: от дешёвых туфель (я вчера битый час полировала их кремом) до скромной сумки через плечо (купленной на распродаже три года назад). Я почувствовала себя голой под этим взглядом — не физически, а морально выпотрошенной.

— Ваше резюме говорит о том, что вы умеете писать о культуре андеграунда и социальной несправедливости, — продолжила Виктория, откладывая маркер и сцепляя пальцы в замок на столе перед собой. — Мне плевать на справедливость. Мне нужны идеальные швы на платье от-кутур и чтобы кофе к моему приходу был именно шестьдесят градусов по Цельсию, а не пятьдесят девять и не шестьдесят один. Вы способны на такую точность?

Я слотнула ком в горле, который мешал дышать.

— Я... я быстро учусь.

Виктория усмехнулась — одним уголком идеально очерченных губ. Эта улыбка не предвещала ничего хорошего; это была улыбка хищника, который видит перед собой не добычу даже, а просто любопытный объект для изучения перед тем, как его уничтожить.

— Все так говорят. А потом плачут в туалете для персонала и бегут писать заявление по собственному желанию так быстро, что забывают выключить свет в кабинке. Мой предыдущий ассистент продержался неделю. Слабак.

Она взяла со стола свой телефон — последнюю модель iPhone в золотом корпусе — и демонстративно посмотрела на черный экран.

— У вас есть один шанс доказать мне свою полезность прямо сейчас. Мой телефон сел во время важного звонка из Милана. Найдите зарядное устройство для этой конкретной модели в этом здании за десять минут. Если не справитесь — можете не утруждать себя обратной дорогой в лифте.

Она снова уткнулась в макет журнала, давая понять, что аудиенция окончена.

Я стояла еще секунду, парализованная ужасом и одновременно странным, болезненным азартом. Это было чистое безумие! Найти зарядку для телефона босса? В здании размером с небольшой город? За десять минут? Но... это был мой билет в другой мир. Шанс доказать себе самой, что я могу больше, чем писать рефераты за пиво для однокурсников.

Я развернулась на каблуках так резко, что чуть не потеряла равновесие, и пулей вылетела из кабинета обратно в приемную.

— Где у вас тут... ну... IT-отдел? Или склад? Или хоть кто-то живой?! — выпалила я секретарше.

Фарфоровая кукла медленно подняла на меня свои пустые глаза.

— В конце коридора направо есть комната отдыха для персонала. Там есть общая зарядная станция с разными проводами.

Я рванула по коридору направо так быстро, как только позволяли мои туфли и дрожащие коленки. Коридор был бесконечным: белые стены без единой картины или постера, приглушенный свет, ковровые коврики элитного класса под ногами, поглощающий звук шагов. Казалось, я бегу по внутренностям гигантского спящего зверя.

Комната отдыха оказалась совсем не такой гламурной, как я ожидала. Это было небольшое помещение с микроволновкой, кулером для воды и старым диваном из кожзама бежевого цвета — первого предмета здесь со следами износа. У стены стоял столик с той самой зарядной станцией: пластиковая коробка с кучей проводов всех цветов радуги: потертые Lightning-кабели для старых iPhone'ов, USB-C для Android'ов... но ни одного провода для нового золотого монстра Виктории Леман.

— Черт! Черт! Черт! — прошипела я себе под нос, лихорадочно перебирая провода дрожащими пальцами.

Осталось семь минут из десяти отведенных мне минут жизни в мире высокой моды.

В отчаянии я выглянула обратно в коридор. Он был пуст и тих как склепа гробница. И тут мой взгляд упал на дверь напротив комнаты отдыха — «Архив». Надежда вспыхнула с новой силой. Если кто-то из сотрудников забыл зарядку там... Я толкнула дверь архива плечом.

Внутри царил полумрак и пахло старой бумагой и пылью — знакомый запах моей прошлой жизни в библиотеке. Ряды металлических стеллажей уходили вдаль до самого горизонта: папки с макетами за прошлые годы, каталоги коллекций сезона «Осень-Зима 2024», образцы тканей... Мой взгляд метался по полкам в поисках чего-то похожего на электронику или хотя бы розетку с проводом.

Ничего.

Я уже готова была признать поражение и вернуться к Виктории под ледяной дождь её презрения (и получить пинок под зад), как вдруг мой взгляд зацепился за одну из нижних полок у самого входа. Там стояла картонная коробка без маркировки — просто старый архивный

бокс для документов формата А4. Из-под неплотно закрытой крышки торчал край чего-то знакомого... Золотистого!

Сердце пропустило удар. Я опустилась на колени прямо на пыльный пол (плевать на юбку!) и дрожащими руками открыла коробку шире.

Там лежал он — кабель MagSafe 3 для iPhone 15 Pro Max золотистого цвета! Он был аккуратно свернут кольцом поверх каких-то старых счетов-фактур от поставщиков ткани из Италии. Я схватила его так бережно, словно это был Святой Грааль или последний кислородный баллон на тонущем корабле.

Четыре минуты!

Я пулей вылетела из архива обратно в коридор и помчалась к лифту так быстро, как только могла бежать на каблуках по скользкому ковролину без риска сломать ногу или шею. Ворвавшись обратно в приемную двадцать третьего этажа (каких-то две минуты прошло!), я чуть не врезалась в стойку ресепшена.

Фарфоровая кукла посмотрела на меня без всякого удивления:

— Успели?

Не отвечая ей (на разговоры нет времени!), я рванула ручку двери кабинета Виктории Леман так резко, что она ударилась о стоппер внутри стены с глухим стуком.

Виктория все так же сидела за столом, но теперь она смотрела прямо на меня поверх очков-половинок (когда она успела их надеть?). В её взгляде читался легкий интерес ученого к подопытной крысе, которая только что пробежала лабиринт быстрее всех ожиданий или умерла от инфаркта прямо у финиша.

Я подошла к столу на негнущихся ногах и положила кабель перед ней рядом с мертвым телефоном.

— Вот... это... оно... кажется... то самое... — выдохнула я слова вместе с остатками воздуха из легких после спринтерского забега по офису.

Виктория медленно протянула руку (у неё были длинные пальцы пианистки или хирурга) и взяла кабель двумя пальцами за коннектор. Она вставила его сначала в телефон (экран тут же вспыхнул приветственным логотипом), а затем воткнула второй конец в розетку под своим столом — единственную розетку во всем этом огромном кабинете-бруствере из стекла и стали.

Тишина стала звенящей. Прошло десять секунд... двадцать... Тридцать секунд ожидания казались вечностью под её тяжелым взглядом. Экран телефона ожил окончательно: появилась заставка блокировки с размытым фото ночного мегаполиса (вероятно, вид из этого самого окна). Виктория сняла блокировку Face ID одним взглядом и тут же её лицо изменилось до неузнаваемости — оно стало жестким, хищным и абсолютно непреклонным одновременно.

Она нажала кнопку быстрого набора номера и поднесла телефон к уху со словами:

— Аллю? Да! Да! Я слушаю! Что значит «проблемы с поставкой кашемира»?! Вы хотите сказать мне...

Она говорила по-итальянски быстро и яростно, совершенно забыв о моем существовании. Она кричала на кого-то там, за тысячи километров отсюда, угрожая разорвать контракты и похоронить чью-то карьеру навсегда из-за какой-то партии ткани кашемира цвета «пыльная роза».

Это был мой шанс уйти незамеченной? Или наоборот?

Я стояла столбом посреди кабинета-бруствера над городом-миллионником и понимала одну страшную вещь: я уже попала сюда навсегда или не попаду никогда вообще. Путь назад отрезан этим золотым кабелем MagSafe 3 из пыльной коробки архива.

Виктория закончила разговор так же резко, как начала: бросила короткое «Arrivederci» (я знала итальянский достаточно хорошо) и швырнула телефон обратно на стол так сильно, что он проскользил по гладкой поверхности дерева несколько сантиметров к самому краю стола перед пропастью окна двадцать третьего этажа над бездной ночного города.

Она перевела взгляд своих ледяных серых глаз обратно на меня. В них больше не было интереса ученого или презрения королевы к нищенке у трона. В них было холодное удовлетворение хищника после удачной охоты... или принятия решения о том, стоит ли оставлять добычу жить дальше ради какой-то своей цели.

— Вы нашли его быстрее всех моих предыдущих ассистентов вместе взятых за всю историю существования этого журнала, — медленно произнесла она ровным голосом без единой эмоции. Это была констатация факта, а не похвала. — Вы проявили находчивость там, где другие сдались бы через минуту поиска по кабинетам своих друзей-офисных планктонов... Вы рискнули залезть туда, куда лезть запрещено правилами безопасности здания...

Она сделала паузу, откидываясь назад в своем эргономичном кожаном кресле стоимостью как моя годовая зарплата официантки (которой я тоже успела поработать).

— И вы принесли мне то единственное решение проблемы вовремя... Хотя могли бы просто сказать мне потом извиняющимся тоном «я нигде не нашел», получить свою зарплату за неделю испытательного срока и уйти восвояси без лишних нервов для нас обеих...

Мое сердце колотилось где-то в горле так громко, что я была уверена: она слышит этот стук через весь кабинет размером с футбольное поле (или даже два).

— Так почему? — её голос стал тише, но от этого еще более пугающим. Она наклонилась вперед через стол ко мне всем корпусом своего безупречного тела хищницы-кошки перед прыжком. — Почему вы это сделали? Почему вы решили играть по моим правилам?

Я открыла рот... но слова застряли где-то глубоко внутри меня вместе со страхом перед этой женщиной-Дьяволом без рогов и хвоста... но способной разрушить одним взглядом всё то шаткое благополучие моей жизни внизу, на земле двадцатью тремя этажами ниже этой стеклянной крепости власти над умами миллионов людей через глянцевою бумагу...

Я сделала глубокий вдох... И сказала правду:

— Потому что я хочу научиться у вас всему... чему смогу... Виктория Андреевна...

Её губы снова тронула та самая полуулыбка-оскал хищника... Но теперь она смотрела на меня иначе... Как смотрят на инструмент... который может оказаться неожиданно острым...

— Что ж... Алиса... Вы приняты... Поздравляю... Добро пожаловать в ад... Мы начинаем ровно через пять минут...

Она нажала кнопку интеркома на столе:

— Елена! Принесите два эспрессо! Один мне как обычно... А второй... второй пусть будет шестьдесят градусов ровно...

Её взгляд снова впился в меня:

— Идите сюда... К столу...

Я сделала несколько шагов вперед по мягкому ковру огромной площади кабинета...

— Смотрите внимательно... Вот это называется «сетка номера»... Видите эти красные пометки? Это ошибки верстки... А вот эти желтые стикеры — это правки от юристов по поводу использования бренда «Chanel»... Ваша первая задача сегодня будет простой...

Она говорила быстро, профессионально сыпля терминами: **дедлайны, мокапы, фичеры...**

А я стояла рядом с ней у стола над пропастью ночного города... чувствуя себя Алисой уже не просто по имени... а той самой девочкой из сказки Льюиса Кэрролла...

Которая прыгнула за белым кроликом напрямик в нору...

И падала...

Падала...

Падала вниз головой навстречу миру абсурда...

Где правила игры диктует Королева Червей...

А точнее — Дьявол моды собственной персоной...

И обратного пути уже нет...

Дедлайн (англ. deadline) — крайний срок сдачи задачи.

Мокап (англ. mockup) — макет будущего издания или страницы.

Фичер (англ. feature) — главная статья номера.

Глава 2. Кофеин и кашемир.

Мир Алисы сузился до размеров рабочего стола Виктории Леман. Это был не просто предмет мебели из полированного дуба; это была её личная планета, центр гравитации, вокруг которого вращались все остальные небесные тела этого этажа — редакторы, фотографы, стажеры и сама Алиса. В первые же часы работы она поняла, что «Vortex» — это не журнал. Это боевой корабль, а Виктория — его бессменный капитан, стоящий на мостике у штурвала из черного дерева, готовый в любой момент отдать приказ «Полный вперед!» или безжалостно пустить ко дну любого, кто проявит слабость.

Её первая задача оказалась вовсе не такой простой, как обещала Виктория. «Простая» заключалась в том, чтобы сверить список гостей для закрытой презентации новой коллекции с базой данных постоянных клиентов бутиков партнеров. Список был написан от руки размашистым почерком арт-директора на полях макета, который уже ушел в печать. Почерк напоминал кардиограмму пациента с тахикардией.

— Здесь двести сорок семь имен, — тихо сказала Алиса, водя пальцем по строчкам. Её глаза слезились от напряжения и недосыпа. Она не спала всю ночь, готовясь к первому дню: гуглила имена дизайнеров, названия брендов и пыталась запомнить иерархию сотрудников редакции.

Виктория стояла за её спиной. Алиса физически ощущала её присутствие: запах холодного парфюма с нотами бергамота и чего-то металлического, едва уловимый шелест ткани безупречного костюма. Воздух между ними искрился от напряжения.

— И? — голос Виктории разрезал тишину кабинета, словно скальпель. — Вы нашли ошибку?

Алиса вздрогнула так сильно, что задела локтем чашку с остывшим кофе (ровно шестьдесят градусов, принесенная молчаливой Еленой полчаса назад). Чашка чудом устояла.

— Да... то есть нет... я еще не закончила, но... — она сглотнула. — Имя под номером восемьдесят три. Александр Волков. Его нет в базе. Я проверила дважды.

В кабинете повисла тяжелая пауза. Виктория наклонилась над плечом Алисы, и та замерла, боясь даже дышать. Главный редактор взяла лупу со стола и внимательно посмотрела на злополучную цифру.

— Верно, — наконец произнесла она, выпрямляясь. В её голосе не было ни одобрения, ни порицания. Только констатация факта. — Он новый инвестор. Его внесли в список час назад, когда макет уже уехал в типографию. Позвоните главному менеджеру бутика «Атриум». Скажите, что если через пятнадцать минут они не пришлют мне исправленный файл по защищенному каналу, мы снимаем их бренд с обложки следующего номера. Используйте слово «санкции».

Это был первый урок. Ошибка ассистента — это не повод для выговора. Это повод для начала маленькой войны, где на кону стоят миллионы и репутация. Алиса схватила телефон трясущимися руками. Менеджер ответил после первого же гудка. Через десять минут исправ-

ленный файл был в почте Виктории. Война была предотвращена, а Алиса получила свой первый, пусть и невысказанный, кредит доверия.

Дни слились в одну бесконечную ленту, сотканную из дедлайнов, звонков и паники. Время в мире «Vortex» измерялось не часами, а задачами. Утро начиналось не с рассвета, а с того момента, когда Виктория входила в кабинет. Если её сумка от **Hermès** (которую Алиса научилась отличать от сомен других) небрежно падала на диван в приемной, значит, день будет тяжелым. Если она проходила сразу к себе, печатая шаг по мраморному полу, — катастрофическим.

К вечеру первого месяца Алиса превратилась в идеально отлаженный механизм. Она знала, какой именно сорт кофейных зерен заказывать («Эфиопия Иргачеффе, светлой обжарки»), помнила наизусть расписание личных встреч Виктории на месяц вперед и могла по одному взгляду босса определить степень надвигающейся бури. Она научилась расшифровывать её молчание. Тишина, нарушаемая только скрипом красного маркера по бумаге, означала высшую концентрацию. Резкий стук каблуков по кабинету — крайнюю степень раздражения.

Самым страшным испытанием стал курьерский забег во время Недели моды. Виктория решила изменить концепцию фотосессии прямо перед её началом. Нужны были новые туфли от *Jimmy Choo*, конкретного оттенка фуксии, которых не оказалось в Москве.

— Найдите, — бросила Виктория, даже не поднимая глаз от телефона. — У вас четыре часа. До студии ехать тридцать минут. Фотограф ждет. Модель на макияже.

Это было невозможно. Но Алиса сделала это. Она обзвонила всех байеров, подняла на уши пиар-службу конкурирующего журнала, нашла частную коллекцию в закрытом клубе и уговорила владелицу одолжить туфли в обмен на упоминание в журнале. Она примчалась в студию за пять минут до выхода модели, мокрая от пота, с размазанной тушью, но с заветной коробкой в руках. Виктория лишь кивнула, принимая туфли, и тут же забыла о напряжении, переключившись на свет.

Именно тогда Алиса поняла главное правило выживания: **«Твоего "не могу" не существует. Есть только результат»**. Эта мысль стала её мантрой, вытеснив из головы всё остальное: усталость, голод, желание позвонить маме и поплакаться. Она ела на ходу, спала урывками в такси по дороге домой и перестала замечать смену времен года за панорамными окнами. Москва за стеклом превратилась в абстрактный фон, набор огней и теней.

Отношения с коллективом складывались парадоксально. Для большинства сотрудников Алиса была невидимкой. Прозрачным призраком, который материализуется рядом с чашкой идеального кофе и исчезает, выполнив поручение. Они обращались к ней исключительно через Викторию: «Скажи своей девочке, чтобы принесла распечатки», — говорили они, глядя сквозь неё. Исключение составляла Кристина, старший редактор отдела красоты. Высокая блондинка с вечно недовольным лицом, она почему-то взяла новенькую под свое холодное крыло.

— Держись подальше от финансового директора, Петра Сергеевича, — инструктировала она Алису однажды вечером, когда они обе задержались допоздна, разбирая факсы. — Он старый похотливый козел. Будет звать на «бизнес-ужин» — отказывайся вежливо, но твердо. Скажи, что у тебя строгий контракт и круглосуточное видеонаблюдение.

— Спасибо, — пролепетала удивленная Алиса.

— Не благодари. Мне просто нужен трезвый человек, который вовремя принесет мне таблетки от головной боли, когда этот мир окончательно меня доконает.

Но главным человеком в жизни Алисы оставалась Виктория. Их связь была странной, почти мистической. Иногда Алисе казалось, что главный редактор читает её мысли. Стоило Алисе подумать о том, что нужно заказать новую партию воды «Voss», как раздавался звонок:

— Елена пропала. Закажите воду. Три ящика. Холодную.

Или, стоило ей заметить пятно от чернил на рукаве пиджака Виктории, как босс, проходя мимо, роняла фразу:

— Отдайте мой костюм в химчистку. Сегодня же. И найдите мне запасной.

Это пугало и завораживало одновременно. Алиса чувствовала себя учеником великого мастера кунг-фу, который обучает секретным техникам не через слова, а через наблюдение и подражание. Она копировала походку Виктории, её манеру держать спину, интонации голоса. Она впитывала информацию как губка: училась различать бренды по фактуре ткани на ощупь, понимать разницу между хорошим вкусом и китчем, чувствовать тренды кожей.

Однажды, в конце особенно безумного дня, когда последняя правка ушла в печать, а студия опустела, Алиса осмелилась задать вопрос. Она сидела на полу в кабинете Виктории, окруженная горой эскизов и образцов тканей, сортируя их по цветам для завтрашнего мудборда. Сама Виктория стояла у окна, глядя на ночной город и медленно потягивая минеральную воду.

— Можно спросить? — голос Алисы прозвучал хрипло от усталости. Виктория не повернулась.

— Спрашивайте, если это поможет вам работать лучше.

— Почему «Vortex»? Почему такое название? Оно... жесткое.

На мгновение Алисе показалось, что Виктория проигнорирует вопрос. Но та поставила стакан на подоконник и заговорила, продолжая смотреть на огни Москвы.

— Мода — это воронка. Вихрь. *Vortex*. Он затягивает. Ты думаешь, что управляешь им, выбирая платье, но на самом деле это он выбирает тебя. Он диктует правила, меняет твою

походку, твой взгляд, твою самооценку. Мы здесь не продаем одежду. Мы создаем иллюзию необходимости. Мы заставляем людей хотеть то, без чего они прекрасно жили вчера. Мы — эпицентр этого шторма. И те, кто работает здесь, должны быть достаточно сильны, чтобы находиться в самой сердцевине этой воронки и не дать ей разорвать себя на части.

Она наконец обернулась и посмотрела на Алису. В свете города её глаза казались серыми, как сталь.

— Вы думаете, я жестокая? Нет. Я честная. Этот мир сожрет тебя с потрохами, если ты покажешь ему свою слабость. Слезы, жалость к себе, просьбы войти в положение — это валюта неудачников. Здесь платят только за результат. А цена ошибки — твоя карьера. Или хуже — твоя личность. Многие приходят сюда мечтателями. Я делаю из них солдат. Или ломаю.

Виктория подошла к столу и взяла один из эскизов, которые сортировала Алиса.

— Вы хорошо справляетесь. Вы перестали бояться. Это опасный этап. Когда страх уходит, появляется самоуверенность. А за ней следует беспечность. Ваша главная ошибка сейчас — думать, что вы чему-то научились. Вы знаете только фасад. Настоящая работа начнется завтра, когда мы поедem на съемку в Милан.

Она бросила эскиз обратно на стол.

— Собирайтесь. У вас есть два часа. Вам понадобятся вещи на неделю. И купите себе нормальный чемодан. Тот клетчатый мешок, с которым вы пришли в первый день, оскорбляет мое чувство прекрасного.

Милан. Слово прозвучало как выстрел стартового пистолета. Сердце Алисы пропустило удар, а затем забило с бешеной скоростью. Это был пропуск в святая святых. Высшая лига.

Оставшиеся два часа прошли как в тумане. Алиса металась по своей крошечной съемной комнате, пытаясь понять, что можно уместить в понятие «вещи на неделю» для человека, чей гардероб состоит из трех блузок и двух юбок. Она потратила половину месячной зарплаты на самый дешевый, но приличный на вид чемодан на колесиках в торговом центре у метро. Упаковка вещей превратилась в хаос: зарядные устройства путались с проводами для камеры, косметичка никак не закрывалась, а любимое худи казалось неуместным балахоном на фоне предстоящего глянца.

В аэропорт Домодедово они ехали в разных машинах. Виктория — на заднем сиденье черного седана с водителем, Алиса — в эконом-классе аэроэкспресса, сжимая ручку нового чемодана и чувствуя себя самозванцем. В бизнес-зале аэропорта контраст стал еще более разительным. Виктория сидела в кожаном кресле, окруженная ореолом власти и спокойствия. На ней был кашемировый палантин цвета слоновой кости. Рядом стоял её помощник, докладывающий последние сводки. Алиса же заняла место в углу, стараясь быть максимально незаметной, и судорожно проверяла почту в телефоне, отвечая на письма, которые сыпались одно за другим.

Когда объявили посадку, Виктория поднялась плавным, грациозным движением. Она не торопилась. Весь мир ждал её. Проходя мимо Алисы, которая вскочила при её появлении, Виктория остановилась на долю секунды.

— Ваш паспорт и посадочный талон, — не попросила, а констатировала она.

Алиса протянула документы. Виктория мельком взглянула на них и убрала в свою дорожную кожаную сумку.

— Я возьму. Чтобы вы ничего не перепутали. Идемте. Наш самолет не будет ждать вечно.

Они шли по телескопическому трапу первыми. Впереди — воплощение ледяного совершенства, за ней — девушка, чье сердце колотилось так громко, что, казалось, заглушало шум реактивных двигателей. Алиса смотрела в спину своему кумиру и наставнику и понимала, что точка невозврата пройдена давным-давно, еще в тот момент, когда она нашла золотой кабель в пыльном архиве.

Она больше не писала про андеграунд. Теперь она сама была его частью — винтиком в огромной машине глянцевого диктата. И ей это нравилось. Дьявол носил Prada, и Алиса была готова стать его верной приспешницей, лишь бы оставаться в этом вихре, в самом центре *Vortex'a*.

Глава 3.

Милан встретил их не солнечным светом, как ожидала Алиса, а мелким, морозящим дождем — *acquazzone*, который превращал мощные улицы в зеркала и заставлял лакированную кожу сумок недовольно морщиться. Город казался декорацией к фильму: строгие, величественные здания цвета топленого молока, витрины бутиков на *Via Montenapoleone*, похожие на музейные экспозиции, и тишина, нарушаемая лишь шуршанием шин дорогих автомобилей.

Виктория Леман сошла с трапа частного самолета так, словно это была сцена оперного театра Ла Скала. На ней был тренкот от Burberry безупречного кроя, который стоил больше, чем вся одежда Алисы вместе взятая. Сама Алиса чувствовала себя неуклюжим подростком в своем единственном «приличном» пальто, которое она купила со скидкой три года назад. Чемодан на колесиках предательски скрипнул по мокрому асфальту, привлекая косой взгляд водителя, присланного за ними из отеля.

Отель Four Seasons стал для Алисы первым ударом реальности о роскошь. Пока Виктория регистрировалась у стойки консьержа, обмениваясь с портье парой фраз на идеальном итальянском, Алиса стояла посреди лобби, задрав голову. Высоченные потолки, мраморные колонны, живые орхидеи в вазах... Она почувствовала острый приступ паники. Ей здесь не

место. Это ошибка. Её сейчас выведут отсюда, приняв за самозванку или горничную, зашедшую не в ту зону.

— Ваш ключ, — голос Виктории раздался прямо над ухом, вырывая её из ступора. Главный редактор протянула ей пластиковую карту. — Номер 412. Поднимайтесь. Распакуйте мой багаж. Повесьте платья на плечики, костюмы оставьте в чехлах. Обувь выставьте в ряд. И найдите утюг. Мне нужно, чтобы все было идеально к шести вечера.

Номер люкс был размером с квартиру Алисы. Две спальни, гостиная с панорамным окном и терраса, выходящая на Дуомо. Вещей у Виктории оказалось ровно столько, сколько может взять с собой человек, для которого гардеробная комната дома размером с футбольное поле. Три огромных кожаных чемодана и две дорожные сумки. Алиса открыла первый. Внутри царил идеальный порядок, созданный руками личного стилиста еще в Москве. Но Алиса должна была всё проверить сама.

Она действовала как робот. Аккуратно извлекала вешалки с платьями, каждое из которых было завернуто в шелковую бумагу. Расставляла туфли (Manolo Blahnik, Christian Louboutin) на ковре ровной линией. Развешивала брюки и жакеты в шкафу, соблюдая цветовую гамму от светлого к темному. Утюг нашелся в прачечной на этаже. Когда Алиса вернулась, номер наполнился легким ароматом озона и дорогого парфюма.

Ровно в шесть вечера дверь спальни Виктории распахнулась. Босс вышла уже полностью преображенной. Вместо удобного тренча на ней было платье-футляр насыщенного винного цвета, облегающее фигуру как вторая кожа. Волосы были уложены волосок к волоску. Она выглядела так, будто собиралась не на рабочую встречу с фотографом, а на прием к королеве.

— Машина внизу, — бросила она, даже не взглянув на результат трудов Алисы. — Возьмите планшет. Там список контактов и локация студии. Вы едете со мной.

Студия находилась в промышленном районе, вдали от блеска центральных улиц. Это было огромное бетонное здание бывшего завода с высокими потолками и грубыми кирпичными стенами. Контраст между стерильной роскошью отеля и этой brutальной фактурой должен был стать фишкой съемки. Фотограф, итальянец по имени Марко, с гривой седых волос и пронзительным взглядом, уже ждал их.

— *Bella Vicky!* — воскликнул он, целуя воздух у щек Виктории. — Ты выглядишь убийственно.

— Приветствую, Марко. Надеюсь, ты оправдаешь мои ожидания. Где модель?

— Ждет в гримерке. Девочка свежая, но дикая. Русский северный типаж. Нам нужен контраст.

Алиса отошла в тень, стараясь быть невидимой. Она включила планшет, готовясь фиксировать правки, тайминги и замечания. Съемка началась.

Первые полчаса Алиса наблюдала за работой мастера. Виктория превратилась в скульптора. Она не просто командовала, она лепила кадр. Один жест рукой — и ассистент переставляет рефлектор. Одно слово — и визажист добавляет модели тени под скулы.

— Стоп! — резкий окрик Виктории разрезал гул студии. — Что это? У неё мизинец отставлен. Это не аристократично, это похоже на куриную лапку. Исправить!

Визажист тут же подбежал и аккуратно поправил кисть модели.

Но настоящий кошмар начался через час, когда выяснилось, что ключевой элемент образа — массивное ожерелье из необработанных кристаллов аметиста — забыли в Москве.

— Как это понимать? — тихо спросила Виктория. Этот тихий тон был страшнее любого крика. Она смотрела на продюсера съемки, невысокого лысеющего мужчину по имени Лука. Тот побледнел до синевы.

— Мисс Леман, произошла накладка при погрузке багажа... Мы отправили запрос курьерской службой. Они обещали доставить его из аэропорта через два часа...

— Два часа?! — Виктория сделала шаг вперед, и Лука невольно отступил. — Через два часа у меня встреча с синьором Моретти. Я не могу ждать. Съемка стоит.

Она обвела тяжелым взглядом студию. Все замерли. Ассистенты боялись дышать. Модель испуганно хлопала глазами. Взгляд Виктории остановился на Алисе, которая инстинктивно сжалась в комок в своем углу.

— Вы, — произнесла Виктория. — Да, вы, Алиса. Идите сюда.

Алиса на негнущихся ногах подошла к ней.

— Сколько времени займет дорога от отеля до аэропорта Мальпенса и обратно? — спросила Виктория, глядя ей прямо в глаза.

— Часа полтора в одну сторону... если без пробок... — прошептала Алиса, холодея от ужаса. Она поняла, к чему идет дело.

— Отлично. Берите мою машину. Водитель знает дорогу. Поезжайте в аэропорт. Найдите представителя курьерской службы. Заберите коробку. И вернитесь сюда. Если через сорок минут ожерелья не будет на шее модели, можете считать свою карьеру в индустрии моды законченной. Вам ясно?

Это был приговор. Сорок минут туда-обратно по вечернему Милану? Невозможно. Но выбора не было. Страх перед увольнением оказался слабее животного ужаса перед гневом Виктории.

— Ясно, — выдохнула Алиса.

Водитель посмотрел на неё с сочувствием, но промолчал. Черный седан сорвался с места, едва она захлопнула дверь. Дорога до Мальпенса превратилась в адский марафон. Алиса звонила в курьерскую службу каждые пять минут, умоляя, угрожая, предлагая любые деньги. Наконец, ей удалось найти парня с коробкой, который только-только прошел таможеню.

Обратный путь был сущим кошмаром. Пробки. Дождь усилился, превратившись в ливень. Фары встречных машин слепили глаза. Алиса сидела на заднем сиденье, прижимая к груди драгоценную коробку, и молилась всем богам, чтобы камни внутри не разбились. Время таяло. До истечения срока оставалось семь минут, когда машина наконец затормозила у ворот студии.

Алиса выскочила из машины, забыв про зонт и чемодан. Промокшая до нитки, с волосами, прилипшими к лицу, она ворвалась в студию, сжимая мокрую картонную коробку.

— Вот! — выкрикнула она, тяжело дыша. Вода стекала с рукавов на бетонный пол, образуя лужу. — Я успела!

Тишина. Все смотрели на нее. Виктория медленно повернулась от монитора, где просматривала отснятые кадры. На её лице не дрогнул ни один мускул. Она подошла к Алисе, взяла из её дрожащих рук коробку, открыла крышку и заглянула внутрь. Затем посмотрела на

Алису сверху вниз. Та стояла перед ней жалкая, мокрая, с потекшей тушью, но с выражением отчаянной победы в глазах.

— Вы промокли, — констатировала Виктория. Не вопрос, а факт. — И выглядите ужасно. Но ожерелье здесь.

Она закрыла коробку и передала её стилисту.

— Продолжаем съемку. Визажист, приведите её в порядок. Быстро. Нам нужна эта энергия на лице модели. Пусть смотрит так же дерзко.

Визажист усадил совершенно ошарашенную Алису в кресло и принялся колдовать над её лицом. Кто-то принес ей плед и чашку обжигающе горячего эспрессо. Алиса пила кофе, пытаясь осознать произошедшее. Она только что совершила невозможное. Она выиграла этот раунд.

Съемка продолжалась до глубокой ночи. Когда последний кадр был сделан и команда начала сворачивать оборудование, Виктория подозвала Алису.

— Пойдемте, — сказала она. — Ужин.

Они вышли из студии и снова оказались под дождем. Виктория остановилась у своей машины, достала из багажника огромный черный зонт-трость и одним движением раскрыла его.

— Наклонитесь, — приказала она.

Алиса непонимающе уставилась на неё.

— Ваша прическа испорчена водой. А я не хочу, чтобы вы чихали мне в тарелку за ужином. Наклонитесь.

Алиса послушно склонилась, и тяжелое полотно зонта укрыло их обеих от дождя. Это был самый странный и интимный момент за всю её жизнь. Стоять вот так, прижавшись плечом к плечу с женщиной, которая могла уничтожить её одной фразой, но вместо этого укрывала от стихии своим зонтом.

Ужинали они в маленьком ресторане "*Trattoria Milanese*", спрятанном в одном из переулков недалеко от Дуомо. Здесь не было пафоса и туристов, только приглушенный свет, клетчатые скатерти и запах чеснока и розмарина. Виктория заказала *оссобуко* и бутылку красного вина.

За едой она молчала, давая Алисе возможность прийти в себя. Лишь когда принесли десерт — *панна-котту* с карамелью, — Виктория заговорила.

— Сегодня вы доказали, что умеете работать под давлением. Это ценное качество. Но то, как вы рисковали машиной и жизнью, добираясь по трассе в шторм... Это было глупо.

Алиса отложила ложку. Она ожидала чего угодно, но не этого.

— Я... я просто очень испугалась вас подвести, — честно призналась она.

— Именно поэтому я и называю это глупостью. Страх провала заставляет совершать ошибки. Истинный профессионализм заключается в том, чтобы выполнить задачу, сохранив при этом холодный рассудок. Вы могли бы позвонить мне. Сказать, что опаздываете. Я бы изменила план съемки. Перешли бы к другому образу. Потеря времени — это плохо. Но авария на трассе — это катастрофа.

Она отпила вино.

— Запомните это правило, Алиса. Результат важен. Но ваша жизнь и безопасность — приоритет. Мертвый помощник бесполезен. А живой, пусть и немного опоздавший, всегда лучше.

Это был урок номер два. Более важный, чем все предыдущие. Виктория учила её не только скорости и исполнительности, но и стратегическому мышлению.

Когда они вернулись в отель, было уже далеко за полночь. Алиса рухнула на кровать в своей комнате, даже не сняв покрывало. Она чувствовала себя выжатым лимоном, но при этом абсолютно счастливой. Она прошла проверку. Она стала частью механизма.

Сквозь сон она услышала вибрацию телефона. Пришло сообщение в рабочий чат. Писала Кристина:

«Ну что, жива после первого боевого крещения? :)»

Алиса улыбнулась в темноту и напечатала ответ:

«Жива. Еле стою на ногах».

«Завтра будет легче. Отсыпайся. Завтра у нас примерка у портных и визит на склад тканей. Настоящая магия начинается именно там».

Алиса выключила телефон и закрыла глаза. За окном шумел ночной Милан. Она больше не была чужой в этом мире. Воронка *Vortex'a* окончательно втянула её в свой эпицентр, и впервые за долгое время Алиса почувствовала, что находится именно там, где должна быть.

Глава 4. Алхимия и сталь.

Утро четвертого дня в Милане началось не с кофе, а с тишины. Алиса проснулась от того, что привычного гула города за окном и шума вентиляции отеля просто... не было. Она резко села на кровати, бросив взгляд на часы: 05:47. Слишком рано для деловой активности Виктории, но слишком поздно для здорового сна после вчерашнего марафона.

На прикроватной тумбочке лежал сложенный вдвое листок дорогой плотной бумаги кремового цвета. Записка была написана каллиграфическим почерком с сильным нажимом:

*«Алиса. Завтрак в 6:30. Форма одежды — smart casual. Никаких джинсов. Возьмите планшет. Сегодня мы посетим **Bottega Veneta**. Будьте готовы к тому, что это займет весь день».*

Подписи не было, но она и не требовалась. Алиса почувствовала укол раздражения, смешанный с привычным уже трепетом. Её тело ломило от усталости, ноги гудели после беготни по студии, а Виктория планировала провести день в очередном храме роскоши. Но выбора не было. «Будьте готовы» в лексиконе главного редактора означало «у вас нет права быть неготовым».

Ровно в 6:28 Алиса постучала в дверь номера Виктории. Дверь открылась мгновенно, словно её ждали, стоя прямо за ней. Босс была уже полностью одета: идеально скроенные брюки-палаццо стального цвета и шелковая блуза, ворот которой был небрежно повязан узлом. На запястье поблескивали массивные часы из коллекции высокого ювелирного искусства. — Вы опоздали на две минуты, — констатировала Виктория, окидывая взглядом наряд Алисы (строгая юбка-карандаш и кашемировый свитер).

— Приемлемо. Идемте.

Завтракали они в пустом ресторане отеля. Для Виктории это было обычное утреннее топливо: черный кофе без сахара и стакан теплой воды с лимоном. Алиса же, пытаясь взбодриться, заказала двойной эспрессо и круассан, который застрял у неё в горле под тяжелым взглядом босса. Разговор не клеился. Виктория просматривала ленту новостей на планшете, делая пометки стилусом, а Алиса изучала узор на белоснежной льняной скатерти, борясь с желанием положить голову на стол и уснуть.

Внизу их ждал тот же черный седан. Водитель распахнул дверцу, и салон автомобиля встретил их запахом дорогой кожи и кондиционированной прохлады. Ехать пришлось недолго — бутик *Bottega Veneta* находился всего в десяти минутах ходьбы от отеля, но статус Виктории Леман не позволял ей передвигаться пешком на деловые встречи такого уровня.

Витрина бутика представляла собой произведение минималистичного искусства: ни единой лишней детали, только игра света на текстуре плетеной кожи (*intrecciato*) и строгие силуэты сумок. Внутри царил полумрак и звенящая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шуршанием подошв по дубовому паркету. К ним тут же подошел консультант — мужчина лет сорока с безупречной осанкой и взглядом профессионального психолога.

— *Buongiorno*, синьора Леман, — он слегка поклонился. — Мы ожидали вас. Мастерская готова.

Виктория молча кивнула и направилась вглубь зала, к неприметной двери, скрытой за стеллажами с аксессуарами. Это был вход во внутреннее святилище — мастерскую и архив бренда. Алиса семенила следом, прижимая к груди планшет как щит.

Помещение мастерской напоминало операционную или лабораторию алхимика. Яркий бестеневой свет падал на длинные столы. В воздухе витал сложный аромат — смесь натуральной кожи, специального клея и чего-то еще, острого и металлического. За одним из столов сидел пожилой мужчина в очках с лупой на глазу. Его руки, испещренные мелкими шрамами, порхали над куском кожи так быстро, что казались размытыми.

— Марко, — голос Виктории прозвучал неожиданно мягко. — Покажи мне то, о чем мы говорили. Старик поднял голову, и его лицо осветилось искренней улыбкой, которая совершенно преобразила его суровые черты.

— Виктория! Я знал, что ты оценишь. Это новый метод дубления. Мы добавляем вытяжку из морских водорослей, добытых у побережья Сардинии. Смотри.

Он взял кусок кожи цвета темного шоколада и протянул ей. Виктория провела по нему кончиками пальцев, закрыв глаза. Этот момент длился несколько секунд, но для Алисы время растянулось. Она видела перед собой не грозную начальницу, а женщину, находящуюся в состоянии абсолютного, чистого блаженства. Это было почти интимное действие — тактильный диалог мастера и заказчика.

— Идеально, — выдохнула Виктория, открывая глаза. — Плотность, эластичность, запах... Он пахнет морем, Марко. Ты превзошел себя.

— Для тебя, дорогая, всё самое лучшее. Какую модель ты хочешь? Начался процесс творения. Это не было похоже на обычную покупку сумки. Это был акт созидания. Виктория ходила вдоль столов, заваленных образцами: кожа разной выделки, сотни видов фурнитуры (замки, карабины, пряжки), нити всех мыслимых оттенков. Алиса металась между ними, фиксируя каждый выбор в планшете.

«Модель: Cabat Tote. Размер: Maxi. Цвет: Noce (Орех)».

«Фурнитура: Матовое золото. Петли: тройная прошивка нитью 120, цвет "Сепия"».

«Внутренняя отделка: подкладка из замши цвета слоновой кости».

Виктория отвергла пять вариантов ручек, прежде чем одобрить те, что были сплетены особым диагональным методом, придающим им невероятную прочность. Процесс занял три часа. Три часа абсолютной концентрации, перебора образцов и споров о миллиметрах толщины кожи. Алиса чувствовала, как её мозг закипает от обилия информации. Когда они наконец вышли из мастерской обратно в торговый зал, у неё кружилась голова. Но это было только начало.

Следующей точкой маршрута стал склад тканей. Место, которое Кристина назвала «настоящей магией». Оно находилось на окраине города, в промзоне, ничем не примечательное бетонное здание без вывесок. Охранник на входе проверил документы Виктории через бронированное стекло и нажал кнопку открытия тяжелых ворот.

Внутри склад представлял собой гигантский ангар, уходящий ввысь на три этажа. Стеллажи от пола до потолка были забиты рулонами ткани. Шелк, бархат, органза, парча, твид, деним... Рулоны стояли плотно, создавая иллюзию сплошных стен цвета и фактуры. Воздух здесь был сухим и пыльным, наполненным запахом натуральных волокон.

Их встретил хозяин склада, синьор Феррари — полный, суетливый человек с руками, испачканными в мелу. Он говорил так быстро, что Алиса, чей итальянский оставлял желать лучшего, понимала лишь отдельные слова.

— *Signora Lehmann! Bella!* У меня есть для вас нечто особенное! То, что вы искали!

Он повел их в самый дальний угол ангара, лавируя между стеллажами как юркий катер в гавани. Наконец он остановился и театральным жестом указал на одинокий рулон, накрытый черным чехлом.

— Вот! Ткань из Японии. Разработана специально для космической промышленности. Легкая, как перышко, но прочнее стали. Абсолютно не мнется. И главное — посмотрите на структуру нитей...

Он расстегнул чехол. Перед ними предстал отрез ткани глубокого изумрудного цвета. На первый взгляд казалось, что это плотный атлас, но когда Виктория коснулась его, произошло чудо. Ткань пошла легкой рябью, переливаясь от темно-зеленого к почти черному, как нефтяное пятно на воде.— Хроматическая инверсия, — благоговейно прошептал синьор Феррари. — Меняет оттенок в зависимости от температуры тела и освещения.

Виктория взяла край ткани в кулак и сильно сжала. Затем отпустила. На материале не осталось ни единой складки.— Сколько метров? — коротко спросила она.

— Десять. Весь остаток партии.

— Забираю всё. Алиса, зафиксируй артикул и условия доставки в Москву. Отдельной машиной, с климат-контролем.

К тому моменту, когда они покинули склад, на улице уже смеркалось. Алиса физически ощущала тяжесть накопленной за день информации. Казалось, запах кожи и пыли впитался в её одежду и волосы. Она мечтала только о горячем душе и горизонтальном положении.

Однако рабочий день не закончился. Вернувшись в отель, Виктория не поднялась в свой номер. Вместо этого она прошла в лобби и опустилась в глубокое кресло.

— Принесите мне зеленый чай, — бросила она проходящему мимо официанту и повернулась к Алисе. — Садитесь. Нам нужно разобрать почту.

Это был удар ниже пояса. Алиса рухнула в соседнее кресло, чувствуя, как последние силы покидают её. Планшет в руках казался неподъемным грузом. Следующие два часа они провели за разбором электронной переписки. Письма от рекламодателей, правки текстов от юристов, согласования макетов, жалобы подписчиков... Виктория диктовала ответы, решения и инструкции с пулеметной скоростью.

— Этому рекламодателю отказать. Текст вежливый, но твердый. Причина — конфликт интересов с нашим новым партнером.

— Правку юриста принять, но скажите редактору отдела, чтобы переписал заголовок. Он должен звучать скандальнее.

— Моделям, которые жалуются на гонорар, передать, что рынок перенасыщен. Если хотят сниматься для «Vortex», пусть соглашаются на наши условия.

Алиса печатала, отправляла, пересылала. Её пальцы летали над экраном на автомате. В какой-то момент она поймала себя на том, что видит буквы сквозь туман усталости.

— Виктория Андреевна... — тихо начала она, боясь поднять глаза.

— Что? — тон был резким, нетерпеливым.

— Можно... можно я хотя бы выпью кофе? Я засыпаю.

Наступила пауза. Алиса замерла, ожидая выговора за проявление слабости. Но вместо этого она услышала звук отодвигаемого фарфора. Виктория поставила свою чашку с чаем на журнальный столик.

— Нет. Нельзя. Вам нужен не кофеин, а дисциплина. Усталость — это оправдание для посредственностей. Настоящий профессионал работает на резервах организма, когда остальные уже сдались. Заканчивайте с письмом для пиар-отдела. Живо.

Алиса проглотила ком в горле, подавила зевок и вернулась к работе. В этот момент она ненавидела Викторину Леман всем своим существом. Ненавидела её требовательность, её стальной характер, её способность игнорировать человеческие потребности. Но вместе с этой ненавистью росло и другое чувство — болезненное уважение. Эта женщина была титаном. И если Алиса хотела выжить рядом с ней, ей предстояло стать либо скалой, либо пылью под её ногами.

Было около полуночи, когда Виктория наконец закрыла крышку своего ноутбука.— Достаточно, — сказала она. — Вы справились. Не идеально, были ошибки в двух письмах, но структура сохранена. Идите спать. Подъем в шесть утра. Завтра у нас финальная примерка и утверждение сет-листа для обложки. Вы должны быть бодрой.

Она встала, поправляя лацканы пиджака.

— И вот что, Алиса... Тот зеленый чай, который я заказала. Я велела принести две чашки. Ваша стоит на столе. Пейте. Горячий напиток поможет вам расслабиться лучше любого снежного.

Алиса посмотрела на низкий столик. Там действительно стояла вторая чашка, над которой вился легкий парок. Она перевела удивленный взгляд на спину удаляющейся Виктории. Та даже не обернулась.

Оставшись одна, Алиса взяла чашку дрожащими от усталости руками. Чай оказался жасминовым, невероятно душистым. Первый глоток обжег горло, но принес странное, успокаивающее тепло. Она сидела в пустом холле пятизвездочного отеля, окруженная мрамором и позолотой, пила чай, оставленный для нее женщиной-Дьяволом, и медленно проваливалась в состояние странного равновесия.

Усталость никуда не делась, но теперь она была приправлена чувством выполненного долга. День был адским, но она прошла его до конца. Она научилась сегодня главному: в мире «Vortex» слабость маскируют заботой, а жестокость часто является формой обучения. И, возможно, эта чашка чая была первым шагом к тому, чтобы перестать быть просто инструментом и стать кем-то большим в глазах своей наставницы.

Допив чай, Алиса поднялась в свой номер. Упав на кровать прямо в одежде, она провалилась в глубокий сон без сновидений. Впереди был новый день, новые испытания и новая гонка со временем. И она была готова бежать.

Подглава 4.1. Эпицентр: Кожа, Нить и Абсолютная Власть.

Воздух в мастерской *Bottega Veneta* был густым и осязаемым. Он не пах просто кожей — это было бы слишком примитивно для места, где рождались вещи стоимостью с автомобиль. Это был сложный, многослойный аромат: первородный запах дубленых шкур, сухой и землистый; едкая, почти медицинская нотка специального клея на полиуретановой основе; и едва уловимый, тонкий флер дорогой уходовой косметики, которой мастер обрабатывал готовое изделие. Алиса стояла в дверях, вдыхая этот запах, и чувствовала, как её мозг, перегруженный информацией за последние сутки, пытается классифицировать ощущения, но терпит неудачу. Это был запах денег, власти и столетних традиций, спрессованных в один кубометр воздуха.

Пожилого мастера звали Марко, но для Виктории он был просто «Марко», без отчества и формальностей. Это само по себе говорило о многом. Их связывали не просто деловые отношения «заказчик-исполнитель», а нечто гораздо более глубокое — взаимное уважение двух фанатиков своего дела. Марко был хранителем секретов, живым артефактом в мире, который всё больше захватывали машины и 3D-принтеры. Его рабочее место представляло собой островок контролируемого хаоса: на краю стола в идеальном порядке лежали десятки инструментов — от обычных игл до странных приспособлений, похожих на миниатюрные хирургические скальпели и стоматологические крючки.

Виктория не стала садиться в предложенное кресло. Она осталась стоять в центре очерченного бестеневой лампой круга, излучая ту самую ауру абсолютной власти, которая заставляла дрожать генеральных директоров корпораций. Она была здесь не просителем. Она была музой, диктатором вкуса, чье слово могло запустить в производство целую коллекцию или навсегда отправить идею в небытие.

— Покажи мне *intrecciato*, — приказала она, не глядя на мастера. Её взгляд был прикован к куску кожи шоколадного цвета, лежащему на специальной подставке из полированного дерева.

Марко усмехнулся в усы. Он не обиделся на приказной тон. Он его ждал.

— Ты всегда торопишься, *cara mia*. Ты хочешь увидеть результат, не увидев процесса. Это как просить показать тебе любовь, минуя свидания.

Виктория медленно перевела на него свой фирменный ледяной взгляд. Алиса, стоявшая у стены с планшетом наготове, затаила дыхание. Но вместо того чтобы испепелить старика на месте, Виктория едва заметно улыбнулась уголками губ. Это была улыбка хищника, признающего равного себе по силе зверя.

— Хорошо, Марко. Учи меня.

Это было разрешение. Старик оживился. Его движения, до этого плавные и медитативные, стали быстрыми и точными. Он взял со стола кусок кожи — не тот, что так пристально изучала Виктория, а другой, более светлый, цвета *saprisino*.

— Смотри, — сказал он, обращаясь к ним обеим, но глядя в основном на Викторию. — Все думают, что *intrecciato* — это просто плетение. Глупцы. Это геометрия. Это архитектура. Если нить ляжет хоть на миллиметр криво, вся структура потеряет жесткость.

Он взял в руки два длинных кожаных шнура. Они были идеально гладкими, без единого изъяна.

— Мы берем два слоя кожи. Мы прорезаем в них каналы. Не прокалываем! — он поднял узловатый палец вверх, акцентируя внимание. — Именно прорезаем специальным ножом под углом. Затем мы берем нить — она должна быть воощенной, чтобы не ворсилась и не впитывала влагу — и начинаем танец.

То, что произошло дальше, было похоже на гипноз. Пальцы Марко замелькали с невероятной скоростью. Он не просто переплетал шнуры — он их укрощал. Нить змеей скользила между слоями кожи, создавая плотную, косую решетку. Алиса смотрела во все глаза, но её мозг не успевал фиксировать траекторию движения иглы. Это было похоже на работу ткацкого станка, сжатую до размеров человеческой ладони.

— Чувствуешь? — Марко протянул готовую полоску Виктории.

Та взяла её кончиками пальцев. Она закрыла глаза и провела по плетению подушечкой большого пальца.

— Плотность... — прошептала она. — Здесь... и здесь... натяжение идеальное. Ты добавил больше воска в эту партию?

— Да. И еще секретный ингредиент моей бабушки, — хмыкнул Марко. — Капля оливкового масла первого отжима. Чтобы кожа дышала.

Виктория открыла глаза. В них горел огонь одержимости.

— А теперь покажи мне то, ради чего я летела через три страны.

Марко перестал улыбаться. Он стал серьезным, как хирург перед сложной операцией. Он медленно подошел к своему рабочему столу и выдвинул один из ящичков, запертый на маленький латунный ключик, который он носил на шее на кожаном шнурке. Звук поворачиваемого в замке металла прозвучал в тишине мастерской как выстрел.

Он достал небольшой сверток из черного бархата. Положив его на стол под лампу, он бережно развернул ткань.

На черном фоне лежал кусок кожи размером с небольшую книгу. Он был цвета темного гречишного меда с глубоким красноватым отливом.

— Это то, о чем я говорил тебе по телефону, — тихо сказал Марко. — Мы назвали его *Mare Profondo*. Глубокое море.

Виктория сделала шаг вперед и склонилась над столом так низко, что её идеально уложенные волосы почти коснулись кожи.

— Дубление... — выдохнула она.

— Да. Традиционные танины плюс вытяжка из водорослей *Posidonia Oceanica*, собранных у берегов Коста-Смеральда.

Он взял пинцет и аккуратно приподнял край кожи, демонстрируя её срез.

— Видишь структуру? Видишь эти микроскопические поры? Водоросли работают как катализатор. Они раскрывают волокна кожи изнутри. Она становится не просто мягкой... она становится живой.

Виктория протянула руку и коснулась материала. Алиса видела, как изменилось лицо её босса: маска ледяного спокойствия спала, уступив место чистому, незамутненному восторгу ребенка, получившего долгожданный подарок.

— Она теплая... — пробормотала Виктория, поглаживая кожу круговыми движениями. — Обычно кожа всегда холодная на ощупь, пока не согреется от тела. А эта... она как живая плоть.

— Именно! — воскликнул Марко с юношеским азартом в глазах. — Ты понимаешь! Ты чувствуешь! Я знал, что ты оценишь! Эта кожа реагирует на тепло рук. Смотри!

Он взял руку Виктории (Алиса чуть не выронила планшет от удивления — никто не смел прикасаться к главному редактору без прямого приказа) и прижал её ладонь к поверхности кожи на несколько секунд. Затем он убрал её руку.

На том месте, где была ладонь Виктории, кожа осталась чуть более светлого оттенка, словно сохранив её отпечаток.

— Термохромизм на микроуровне! — гордо заявил мастер. — Она запоминает прикосновение на несколько секунд!

Виктория молчала. Она снова положила ладонь на кожу и закрыла глаза. В этот момент Алиса поняла одну важную вещь: для этих двоих внешний мир перестал существовать. Были только они, этот кусок дубленой шкуры и история, которую они создавали вместе прямо сейчас. Это был момент абсолютной синергии творца и заказчика.

Наконец Виктория убрала руку и выпрямилась во весь рост. К ней тут же вернулась её привычная стать и властность.

— Сколько? — коротко спросила она деловым тоном.

— Партия экспериментальная. Всего десять квадратных метров во всем мире.

— Я забираю всё.

Марко кивнул, словно иного ответа и не ожидал.

— Я так и думал. Что ты хочешь из неё сделать?

Виктория медленно повернулась к нему. На её губах играла опасная улыбка.

— Не «что», Марко. А «для кого». Это будет подарок самой себе к юбилею журнала. Но это будет нечто большее, чем просто сумка или плащ... Я хочу создать объект искусства. Тотемную вещь.

Она подошла к большому стеллажу у стены, где были натянuty образцы разных фактур для вдохновения: перья экзотических птиц (Алиса узнала перо павлина-альбиноса), прессованные листья платана с прожилками из серебряной фольги, кусок вулканического стекла...

— Мне нужна основа... — Виктория говорила сама с собой, водя пальцем по полкам. — Нечто жесткое... Но с историей...

Её взгляд упал на дальний угол стола Марко, где под слоем пыли лежал странный предмет — массивная металлическая пряжка от старого военного ремня времен Второй мировой войны. Форма была brutальной: орел со свастикой в когтях был грубо сбит молотком, но сама форма крыльев осталась узнаваемой и агрессивной.

Виктория взяла её в руки так же брезгливо-хирургически, как Марко брал свои инструменты.

— Вот оно... — её голос стал низким, грудным. — Контраст между абсолютным злом этой формы и абсолютной красотой материала... Это будет шедевр.

Она повернулась к мастеру:

— Марко, я хочу плащ-тренч из этой кожи *Mare Profondo*. Силуэт классический *Burberry*, но без пояса. Вместо него мы пришьем эту пряжку прямо к воротнику на уровне ключиц. Она будет служить застежкой и одновременно... заявлением.

Марко взял пряжку из её рук, внимательно изучая её со всех сторон через лупу.

— Тяжелая... Около килограмма чистого латуни...

— Именно поэтому она идеальна для баланса воротника, — отрезала Виктория. — Она будет оттягивать ткань назад, создавая идеальный силуэт «песочные часы», даже если под плащом ничего нет кроме голого тела.

Алиса быстро строчила в планшете:

Артикул: BV-EX-24-01

Материал: Кожа Mare Profondo (дублирование: танины + Posidonia Oceanica)

Модель: Тренч (силуэт Burberry)

Деталь: Фронтальная застежка-булавка (винтажная латунь)

Срок исполнения: 6 недель

Она подняла глаза от экрана как раз вовремя, чтобы увидеть финальный акт этой сцены.

Виктория стояла спиной к окну мастерской (которое выходило во внутренний двор-колодец), а Марко сидел за столом с лупой в глазу, делая быстрые наброски в блокноте карандашом толщиной с волосок. Они говорили на своем языке: термины «припуск на шов», «долевая нить», «декатировка» сыпались как из рога изобилия.

Внезапно Виктория остановилась на полуслове и посмотрела прямо на Алису через плечо мастера.

— Вы записали всё? Каждое слово? Каждую деталь?

Алиса вздрогнула от неожиданности и быстро кивнула:

— Да... Да, Виктория Андреевна...

Взгляд главного редактора пронзил её насквозь.

— Хорошо. Потому что если через шесть недель этот плащ будет отличаться от того образа, который мы только что создали здесь хотя бы на йоту... отвечать будете вы лично передо мной и синьором Марко здесь же. Вам ясно?

Это была не угроза. Это была констатация факта мироустройства. В мире Виктории Леман ответственность была абсолютной и неделимой.

— Ясно... — прошептала Алиса пересохшими губами.

Виктория удовлетворенно кивнула и снова переключила всё своё внимание на мастера:

— А теперь давай обсудим подкладку... Я думаю о шелке-газаре цвета ночного неба с вышивкой созвездия Большой Медведицы по кромке...

Алиса выдохнула только тогда, когда они покинули мастерскую десять минут спустя. Спускаясь по лестнице из бутика обратно в реальный мир шумной миланской улицы, она чувствовала себя так, будто побывала внутри головы гения или в эпицентре ядерного взрыва твор-

ческой энергии. В ушах всё еще стоял тихий скрип кожи под пальцами мастера и бархатный голос Виктории, диктующей условия мироздания двум старым фанатам своего дела.

Она посмотрела на экран планшета: список задач обновился десятками новых пунктов: «Найти аутентичную пряжку», «Утвердить эскиз вышивки», «Организовать доставку материала». Её жизнь снова превращалась в бесконечный список дел ради создания вещи, которую она никогда не сможет себе позволить даже подержать в руках.

Но сейчас это было неважно. Важен был сам процесс созидания магии из пыли веков и запаха водорослей Сардинии под строгим надзором женщины без рогов и хвоста по имени Дьявол В Моде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.